

ПРОГНОЗИРУЕМОСТЬ ПРАВА КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ТРЕБОВАНИЕ. АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Б. Матье, профессор, Университет Сорбонна Париж I

Это известно, но в действительности можно констатировать, что нормативная система становится все более сложной особенно из-за увеличения числа правопорядков, не имеющих иерархии, и из-за конкуренции между неправовыми нормами (нормы «мягкого права», мнения, рекомендации...), которые в свою очередь не лишены юридических последствий [1]. В то же время увеличение способов обращения в судебные органы, несомненно, делают правовую норму более хрупкой. Наконец, развитие права фундаментальных прав и свобод влечет создание сложной системы ссылок, при которой власть суда значительно усиливается вследствие того, что он должен не только толковать нормативные акты или общие принципы, но еще и согласовывать между ними требования, зачастую противоречивые (право собственности и право на жилище, безопасность и свобода, достоинство и свобода, право на информацию и право на частную жизнь, индивидуальные права и требования, относящиеся к общему интересу...примеры можно приводить до бесконечности).

В этом контексте требование юридической безопасности становится более необходимым и возводится в ранг конституционной нормы. Действительно, судебная практика, как европейская, так и национальная, конституционная, административная, практика общих судов, свидетельствует об усилении контроля со стороны судов за качеством, доступностью и прогнозируемостью правовой нормы.

В данной статье мы подвергнем анализу практику Конституционного Совета Франции, связанную с требованием прогнозируемости права.

А-Прогнозируемость права как общее условие юридической безопасности

«Юридизация» требования юридической безопасности отвечает идее, согласно которой право не выполняет больше миссии, присущей ему вначале, и именно оно вводит безопасность в коллективные и межличностные отношения. Таким образом, безопасность не действует больше только посредством права, она может подвергаться опасности посредством права [2]. Однако безопасность необходима праву, поскольку оно может измениться для решения этой проблемы. И поэтому можно лишь принять решение о ценности будущего изменения данной нормы права. В таком случае юридическая безопасность достигается одновременно посредством права и не пот праву. Признание фундаментальных прав, главным образом на конституционном и конвенциональном уровнях, обязательно сопровождается, как это провозглашает статья 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, которую Конституционный Совет Франции связал с системой требований, являющихся частью юридической безопасности, гарантией этих прав. Итак, юридическая безопасность – это один из существенных элементов этой гарантии.

Принцип юридической безопасности – это в действительности «импортируемый продукт», составляющий отличительную черту немецкого права, который постепенно был введен во французский правопорядок с помощью европейского права. Во французском праве принцип юридической безопасности не может пониматься как самостоятельный принцип в отношении других принципов, таких как непридание обратной силы закону, защита приобретенных прав, легитимное доверие, законность или качество закона. Скорее всего, это понятие, которое объединяет в себе полностью или частично указанные требования. Совокупность данных принципов, соединенных с юридической безопасностью, может быть разделена на две группы в зависимости от того, могут ли они бороться с небезопасностью, которая может затрагивать правовые нормы, особенно, закон, по содержанию или по форме, или преодолевать неопределенности, связанные с применением законов. Качество закона становится, таким образом, конституционным требованием, приводящего конституционный суд к осуществлению своего контроля над формальными элементами предоставленного на его рассмотрение закона. В то же время, юридическая безопасность предполагает определенную прогнозируемость законодательства. Она является «возможностью,

признанной за хозяйствующим, налоговым субъектом, изменять безопасную нормативную базу, поскольку внезапные непредвиденные случаи и повороты могут влиять на правовые нормы» [3, с. 963 и др.]. Требование юридической безопасности, не противопоставляясь необходимой изменчивости права, предполагает последствия обратной силы закона слишком суровыми, или сопровождается, благодаря переходным мерам, изменением законодательства. В этом смысле юридическая безопасность не может рассматриваться как путь к неприкосновенности норм, приобретенных прав и ситуаций.

В - Подчинение законодателя требованиям, относящимся к прогнозируемости права.

Мы сосредоточим свое внимание на требовании прогнозируемости права, которое было конституционализировано [4] Конституционным Советом Франции.

1-юридическая безопасность и законы, имеющие обратную силу

Во французском праве отсутствие обратной силы закона является конституционным принципом в области уголовного законодательства, согласно ст. 8 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., однако Конституционный Совет сделал несколько других предположений, при которых обратная сила закона была признана неконституционной. Таким образом, действие закона, имеющего обратную силу, ограничивается принципом разделения властей, который требует соблюдения прежних судебных решений, вступивших в законную силу (решение 86-223 DC). С другой стороны, применение налогового законодательства, имеющего обратную силу, не может нанести ущерб правам налогоплательщиков, «которые приобретают законно истекший срок исковой давности в день вступления закона в силу» (решение 91-298 DC). Речь идет, несомненно, о защите законных интересов, которые Конституционный Совет считает конституционным требованием.

В целом, Конституционный Совет подтвердил, что характер обратной силы закона не должен иметь последствием лишение законных гарантий конституционных требований (решение 95-369 DC). Данная судебная практика была четко утверждена во время рассмотрения закона о финансировании социального обеспечения на 1999 г. (решение 98-403 DC) [5]. Таким образом, принцип неприменения обратной силы закона, в том смысле, как он утвержден в ст. 2 Гражданского кодекса, является законодательным принципом, гарантирует конституционный принцип [6], который может содержать лишь правомерное посягательство и неподверженный нарушению сути конституционного принципа. Итак, данным конституционным принципом может быть только принцип юридической безопасности.

Формулировка, используемая в решении 2010-4/17 QPC, обобщает эти требования: «Если законодатель может изменить с обратной силой норму права или признать юридическую силу [7] за административным актом или документом гражданско-правового характера при условии стремления к достижению цели всеобщего интереса и соблюдения как судебных решений, вступивших в законную силу, так и принципа отсутствия обратной силы мер наказаний и санкций. Кроме того, измененный или признанный действительным акт не должен игнорировать ни норму, ни принцип, имеющие конституционную ценность, при том условии, что цель всеобщего интереса сама указана в качестве конституционной ценности. Наконец, значение изменения или утверждения должно быть точно определено».

2-Юридическая безопасность и защита приобретенных ситуаций

Принцип юридической безопасности, касающийся прогнозируемости нормы, был также применен в отношении защиты некоторых приобретенных положений. Во французском конституционном праве не существует общего права на защиту приобретенных прав. Между тем, такая защита может представлять собой конституционное требование в трех предположениях: речь идет о ситуациях, связанных с осуществлением фундаментальных прав, речь идет о защите прав, возникших из договоров, а также в большинстве случаев речь идет о легально приобретенных положениях.

Защита легально приобретенных положений

Так, в решении № 2007-550 DC, Конституционный Совет, подтверждая, что «В любой момент дозволено законодателю, выносящему решение в области своей компетенции,

изменить или отменить акты, заменяя их в необходимом случае другими положениями», добавляет, что «Тем не менее, он не может лишить правовых гарантий конституционные требования. В частности, он не признает гарантию прав, провозглашенную в статье 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., если она наносит ущерб легально приобретенным положениям, который не будет оправдан мотивом всеобщего интереса».

Защита фундаментальных свобод

В своем решении № 84-181 DC от 10 и 11 октября 1984 (*Entreprises de presse*), Конституционный Совет утвердил, что законодатель может вновь поставить на обсуждение положения, касающиеся публичной свободы, только в установленных пределах. В действительности, законодатель не может регламентировать осуществление публичной свободы, чтобы сделать ее более эффективной или согласовать с другими нормами или принципами, имеющими конституционную ценность. Запрет ставить под сомнение легально приобретенные положения, связанные с осуществлением публичной свободы, ведет к единству всех этих свобод, а не только свободе коммуникации (решение № 84-181 DC) [7]. В этом случае речь идет, главным образом, не о воздержании от более ограничительной системы осуществления этих свобод, а о защите индивидуальных ситуаций.

Соблюдение договорных обязательств

Эволюция судебной практики Конституционного Совета по этому вопросу отражает отпечаток принципа юридической безопасности, хотя суд на него не ссылается.

Сначала Конституционный Совет четко утверждает, что свобода договора, понимаемая как соблюдение законодателем действующих договорных положений, не относится ни к какому конституционному требованию. Таким образом в решении от 4 июля 1989 № 89-254 DC Конституционный Совет отрицает существование фундаментального принципа, признанного законами Республики, который запрещает любую обратную силу закона в области договорных отношений, поскольку эта обратная сила может быть обусловлена наличием всеобщего интереса. В решении № 94-348 DC Конституционный Совет формально провозглашает, «что никакая норма, имеющая конституционную ценность, не гарантирует свободу договора».

Затем Совет изменяет свою позицию и свою судебную практику, учитывая некоторые требования, связанные с соблюдением существующих договоров.

В свете решения № 96-385 DC от 3 декабря 1996 г., отчетливо представляется, что свобода договора создает необходимую гарантию для соблюдения других принципов, имеющих конституционную ценность. Таким образом, посягательство на свободу договора и очевидно, на устойчивость договорных отношений, может быть неконституционным, поскольку оно ставит под сомнение конституционный принцип.

Наконец, в решении № 98-401 DC от 10 июня 1998 г. Конституционный Совет утверждает, что между тем, как депутаты, обращающиеся в Совет, прямо не ссылаются на этот принцип, «законодатель не сможет причинить серьезного ущерба порядку заключения соглашений и легально заключенным договорам, такого как явное непризнание свободы, следующей из статьи 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.».

Таким образом, это является судебной отсылкой к принципу свободы договора, который фигурирует в данном решении. Это не принцип в смысле статей 6 и 1123 Гражданского кодекса, который означает свободу заключения договора, а принцип соблюдения договора третьими лицами, публичными или частными, условий, предусмотренных договором, это последнее значение относится к требованию юридической безопасности. Таким образом, нарушение принципа свободы договора само по себе не наказуемо, однако если оно не является значительным и не наносит удар в самый центр требования юридической безопасности.

Данная судебная практика повторяется в последующих решениях Конституционного Совета (например, решения № 2008-568 DC и № 2009-578 DC). В решении № 2000-436 DC, Совет дает важное уточнение учету всеобщего интереса как оправданию ограничения свободы договора. Он полагает, что призыв к конституционному объекту в случае с правом

на достойное жилище не является достаточным для подтверждения значительного нарушения порядка легально заключенных договоров. Это есть повышение ценности принципа свободы договора, который таким образом действует, его согласование с конституционным объектом, не действуя в ущерб ему самому.

Заключение

Требование юридической безопасности отвечает различным целям и задачам. Прежде всего, это инструмент соблюдения прав граждан. Утверждение фундаментальных прав будет иметь меньшее значение, если их реализация не будет подчинена принципу прогнозируемости. В тоже время юридическая безопасность обеспечивает важные экономические цели и задачи, хозяйствующие субъекты должны иметь возможность действовать и принимать решения в заданных и юридически безопасных правовых рамках. С этой точки зрения в контексте экономического развития, качество государственного права и его прогнозируемость представляют собой преимущества первого порядка.

Эта безопасность должна следовать из закона, а также из судебной практики. Таким образом, вопрос об обратной силе закона должен равным образом быть рассмотрен с точки зрения поворотов судебной практики, что следует в основном для его ограничения. Также должна быть разработана возможность для суда отложить во времени исполнение того или иного из его решений, когда немедленное исполнение может вызвать неблагоприятные последствия.

На тех же основаниях, что и права и свободы личности, юридическая безопасность, понимаемая не только как требование прогнозируемости права, но также и его качества, должна рассматриваться как фундаментальное требование, способное обеспечить одновременно защиту индивида и принятие во внимание требований всеобщего интереса.

Список литературы

1. См.: Rapport 20134 du Conseil d'Etat français, Le droit souple, La documentation française, 2013, см. также: B. Mathieu, La loi, Dalloz, 3e ed. 2010.
2. См.: Dossier sur la sécurité juridique, Les Cahiers du Conseil constitutionnel, 2001, n°11, p. 66 и др.
3. Хеерс, М. Юридическая безопасность во французском административном праве. // RFDA. – 1995. – Р. 963 и др.
4. О конституционализации принципа юридической безопасности см. A.L. Valembois, La constitutionnalisation du principe de sécurité juridique en droit français., – Paris: LGDJ, 2005. – 534 с.
5. B. Mathieu. Rétroactivité des lois fiscales et sécurité juridique : application concrète d'un principe implicite, RFDA, 1999, p. 89.
6. Об этой категории см.: B. Mathieu, Pour la reconnaissance de principes matriciels en matière de protection des droits de l'homme, D. 1995, C. 211.
7. См. об этом: B. Mathieu. Les validations législatives, Economica, 1987